



ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. ЛЕВИН, Я. РОГИНСКИЙ, Н. ЧЕБОКСАРОВ
АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ РАСИЗМ

I

Современные воинствующие империалисты, руководимые реакционными кругами США, в своей работе за мировое господство, в подготовке новой войны против СССР и стран народной демократии, в своем наступлении на демократические элементы внутри самих капиталистических государств мобилизуют весь идеологический арсенал всевозможных реакционных «теорий» во всех областях науки и культуры. В «философских» концепциях вроде прагматизма, персонализма или холизма небезызвестного фельдмаршала Смэтса, в различных модных в Америке социологических учениях в области биологии и психологии, этнографии и антропологии — повсюду ясно проявляется основное устремление: утвердить незыблемость капиталистического строя, превосходство англо-саксонских стран и их «историческую роль» организаторов надклассового и наднационального «мирового государства» под эгидой монополистов США.

За последние годы в Америке выпущено огромное количество книг и статей по различным отраслям знания, в которых под оболочкой «научной объективности» проповедаются эти реакционные идеи. Для советского читателя ясно, что этот объективизм — лишь способ обмануть широкие народные массы, что «ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»¹.

Конечно, в разных областях науки эти реакционные идеи выступают в различных формах, но не будет преувеличением сказать, что лейтмотивом и философских, и биологических, и исторических трудов англо-американских реакционных, буржуазных ученых является человеконенавистническая расовая теория, перепеваемая на всевозможные лады.

Разоблачая реакционное содержание современного англо-саксонского расизма, товарищ Сталин указывает: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы, как единственно полноценная нация, должны господствовать над другими нациями. Английская теория приводит г. Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира»².

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349.

² «Правда» от 14 марта 1946 г.

II

Расизм в Америке и в других англо-саксонских странах имеет глубокие исторические корни. Широкую известность получил эпизод, относящийся к 1844 г., когда шла борьба за отмену работорговли. Не зная, что ответить на ноты европейских держав, протестовавших против торговли неграми, американский министр иностранных дел, ставленник рабовладельческого Юга, Калгоун обратился за советом к антропологу Мортону, автору труда «*Crania Americana*». Между ними завязалась переписка, в результате которой последовала ответная нота США, отвергающая всякую попытку рассматривать права негров на освобождение, так как данные науки указывают якобы на коренное отличие их от белого человека и на принадлежность к низшему типу. Калгоун заявил: «Я безбоязненно утверждаю, что существующие отношения между двумя расами на юге... представляют собой самое прочное и наиболее желательное основание для развития свободных и устойчивых политических учреждений». Таким образом, уже более ста лет назад устами официального представителя США было декларировано бесправие негров.

В 1854 г. в Америке вышла книга учеников Мортона Нотта и Глиддона «Типы человечества»³, в которой с позиций полигенизма доказывается расовая неполноценность негров. Современные американские фальсификаторы науки о человеке могут вести свою родословную от этой книги, где для «доказательства» близости негров к обезьянам изображение негрского черепа дано в умышленно искаженном виде — запрокинутым назад, чтобы создать впечатление исключительно сильного выпячивания челюстей⁴. В качестве приложения в той же книге помещена работа воинствующего противника Дарвина Агассица, в которой доказывается независимое происхождение отдельных человеческих рас в восьми разных областях земного шара, что исключает всякое родство их между собой.

Не было недостатка в апологетах расовой теории и в Англии. В 1863 г. один из видных английских этнологов, основатель Лондонского антропологического общества, Джеймс Гент выступил с докладом «О положении негра в природе», в котором пытался доказать, что негр неспособен к восприятию цивилизации, так как он ближе к обезьяне, чем европеец. Когда доктор Гент умер (1869), в одной нью-йоркской газете⁵ было сказано, что «доктор Гент с его ясным собственным взглядом на вещи, с его отважным энтузиазмом делал дело, более важное для людей, для блага всего человечества и для славы Господа, чем все философы, гуманисты, филантропы и, мы смеем сказать, епископы и священники Англии, вместе взятые».

Можно было бы назвать еще немало других представителей расовых теорий того периода в Англии и Америке. Как раз в это время расистские идеи тесно переплетаются с реакционнейшим «учением» социального дарвинизма. Основные положения Дарвина о роли естественного отбора как фактора эволюции в органическом мире были механически и незаконно перенесены на человеческое общество для объяснения закономерностей исторического процесса. Естественный отбор был объявлен главной движущей силой истории, определяющей все биологические и социальные различия между отдельными людьми, народами и классами. В Германии в роли воинствующих социал-дарви-

³ I. C. Nott and G. R. Gliddon, *Types of Mankind*, Philadelphia, eighth edition, 1865.

⁴ См. там же, стр. 458.

⁵ «New York Weekly Day Book», Nov. 6th, 1869; см. «The Anthropological Review», No. XXVIII, January 1870, стр. 97.

нистов выступают в конце XIX и в начале XX в. знаменитый Геккель и Аммон, ренегат от социализма Вольтман, натурализовавшийся здесь англичанин Хаустон Чемберлен и многие другие. Во Франции «вождем» социал-дарвинизма был Ваше-де-Лапуж, родоначальник пресловутой антропосоциологии, основным догматом которой был социальный отбор. Эта псевдонаука, как ее называли передовые ученые того времени, «доказывала» тождество господствующих классов с «высшими» расами а трудящихся — с «низшими» типами человечества, подменяя классовую борьбу мнимой борьбой за существование в ее биологической форме.

Из английских социал-дарвинистов следует указать на Хайкрафта, автора мальтузианской книги «Дарвинизм и расовый прогресс»⁶ и, особенно, на Бенджамина Кидда, писания которого очень напоминают «откровения» Лапужа о социальном прогрессе как отборе биологически наиболее приспособленных. В Англии, главной колониальной державе XIX в., социальный дарвинизм приобрел особую направленность — стремления доказать расовое превосходство европейских наций, и в первую очередь англо-саксов, над народами колониальных и зависимых стран. Неудивительно поэтому, что лидер английских консерваторов Джозеф Чемберлен, бывший на рубеже XIX и XX вв. министром колоний, прямо заявил, что книга Кидда «Контроль над тропиками» произвела на него «неизгладимое впечатление». Тот же Чемберлен в 1899 г. в речи, произнесенной в Лейстере, призывал англо-саксов и германцев к объединению с целью осуществить господство над миром трех держав — Англии, США, и Германии. В английской художественной литературе выразителем идей социал-дарвинизма был известный писатель Р. Киплинг, в произведениях которого английские империалисты выступали в роли благодетельных цивилизаторов в отсталых колониальных странах, где им суждено нести «бремя белого человека».

Те же антропосоциологические идеи об избранных расах и нациях и социальном отборе нередки и в американской научной литературе конца прошлого и начала нашего века. Так, например, профессор Колумбийского университета Дж. Берджесс доказывал неспособность народов Азии и Африки к созданию прочной политической организации без руководства «высших» наций, к которым в первую очередь относятся «тевтонские» народы. Берджесс — последовательный социальный дарвинист, исходящий из законов естественных наук в объяснении политических явлений⁷. Следуя тем же рецептам, американский сенатор Беверидж в 1899 г. во время подавления восстания на Филиппинах взывал: «Бог в течение долгих тысяч лет готовит говорящие на английском языке народы и тевтонов отнюдь не для напрасного и беспечного самолюбования. Нет! Он сделал нас умелыми организаторами мира, чтобы установить нашу систему там, где царит хаос... Он сделал нас знатоками в управлении, так что мы можем управлять дикарями и старчески бессильными народами»⁸.

Ко времени первой мировой войны относится появление книги Мэдисона Гранта «Конец великой расы», которая выдержала целый ряд изданий с 1916 по 1930 г.⁹ Эта, столь популярная в Америке книга представляет собой настоящий катехизис воинствующего расизма, по своей антидемократической направленности ничем не уступающий самым реакционными писаниям западноевропейских расистов от Гобино до

⁶ J. V. Huxcraft, Darwinism and race Progress.

⁷ См. R. Hofstadter, Social darwinism in American Thought, Philadelphia 1945, стр. 150. Подробнее см. Д. И. Мочалин, Расовые теории на службе американского империализма, «Вопросы философии», 1948, № 2, стр. 263—277.

⁸ Там же, стр. 267.

⁹ Madison Grant, The passing of the Great Race, New York (все цитаты даны по изданию 1930 г.).

Гюнтера. Перед нами американский, мало оригинальный вариант того «нордизма», который рассматривает пресловутую «северную расу» — высококорослых длинноголовых блондинов, как высший тип человечества, специфически присущий германским народам, в особенности англо-саксам и их потомкам в Америке.

Книга открывается главой «Раса и демократия», в которой автор поет хвалебный гимн аристократическому образу правления, последовательно отождествляя господствующие классы всех эпох и стран с высшими расами — отобранными элементами общества.

«Истинный аристократический образ правления или истинная республика,— пишет Грант,— это правление самых мудрых и лучших, всегда ничтожного меньшинства населения» (стр. 7). Автор поносит французскую революцию, освободительные движения в самой Америке и вообще любое проявление демократии, ибо, по его словам: «*Vox populi*, столь далекий от *Vox dei*, всегда представляет собой бесконечный вой о правах и никогда не является песней долга» (стр. 8). По мнению Мэдисона Гранта, всякая борьба народных масс — это поход против наиболее одаренных, талантливых личностей, которые по самой своей природе призваны к господству. Победа демократии означала бы гибель высших расовых типов, упадок культуры и вырождение общества, так как «демократия фатальна для прогресса, когда две расы различной ценности живут бок о бок» (стр. 10). Грант выступает апологетом сохранения «природными американцами» их расовой чистоты, категорически протестует против иммиграции в США и сокрушается по поводу того, что «американец продал свое первородство на континенте, чтобы разрешить проблему рабочих рук». «Вместо того чтобы удержать политический контроль и сделать (американское) гражданство почетной и ценной привилегией, он вверил управление своей страной и поддержание своих идеалов расам, которые никогда не были способны управлять сами собой, а тем более другими» (стр. 12). Предвосхищая современных гуверов и томасов, Мэдисон Грант заканчивает первую главу своего «научного труда» выпадам против социализма, который связан, как он пишет, «с переходом власти от высших рас к низшим, от интеллектуальных классов к черни» (там же).

В следующих главах своей книги Грант перепевает затасканные мотивы «нордийского» мифа. Совершенно в стиле Лапужа или Вольфмана он приписывает «северной расе» ведущую роль в мировой истории и наделяет ее, противопоставляя не только «цветным», но и другим европейским расам, «высшими» свойствами. «Нордийцы,— пишет Грант,— во всем мире являются расой солдат, мореплавателей, предпринимателей и исследователей, но прежде всего расой вождей, организаторов и аристократов в резком контрасте с альпийцами с их преимущественно крестьянским и демократическим характером. Люди северной расы властительны, индивидуалистичны, самоуверенны и ревнивы к своей личной свободе в политической и религиозной области, и поэтому они обычно протестанты. Рыцарство и его современные незначительные пережитки — это исключительно нордические черты; феодализм, классовые различия и расовая гордость среди европейцев прослеживаются большей частью на севере» (стр. 228).

С северной расой Грант связывает возникновение арийских языков и на четырех картах «прослеживает» на протяжении от бронзового века до нашего времени распространение нордийцев. Прародина нордийцев — в Северной Европе, отсюда еще во II и I тысячелетиях до н. э. они расселяются по Европе и Западной Азии, повсеместно выступая в роли носителей высоких культур. Киммерийцы, скифы, саки, массагеты, персы, древние греки, италийцы — все они на картах Гранта обозначены стрелками, идущими в разных направлениях с севера Европы. В более позднее время представителями северной расы оказываются тевтоны,

противопоставляемые Грантом славянам-альпийцам (стр. 266, 268, 270, 272). И Розенберг, и Гюнтер с полным правом могли бы считать американца Мэдисона Гранта в числе своих идейных предшественников. Книге предпослано предисловие известного американского палеонтолога Генри Осборна, который усиленно рекламирует «труд» Гранта, кстати сказать, биолога по специальности. «Раса,— заявляет Осборн,— играла значительно бóльшую роль, чем язык и национальность, в определении судеб человечества; раса определяет наследственность, а наследственность — все моральные, социальные и интеллектуальные качества и свойства, которые являются движущими силами (Springs) политики и управления» (предисловие к 1-му изданию, стр. VII). «Наследственность и расовое предрасположение сильнее и устойчивее, чем среда и воспитание». Этот тезис нужен Осборну для того, чтобы провозгласить «англосаксонскую ветвь северной расы» тем элементом, которому американская нация обязана «духом предводительства, смелостью, верностью, единством и гармонией, самопожертвованием и преданностью во имя идеала» (предисловие ко II изданию, стр. XI).

Таков американский вариант «нордического мифа» в изложении одного из крупнейших биологов США.

III

К конечному счету и социальный дарвинизм, и антропосоциология во всех их разновидностях восходят к учению Мальтуса, который считал, что нищета, пороки, болезни в человеческом обществе являются неизбежным следствием свойственного всему органическому миру закона абсолютного перенаселения. В своем сочинении «Опыт о законе народонаселения», вышедшем в 1798 г., Мальтус писал: «Главная и непрерывная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества». Человек, пришедший в «занятый уже мир», если ему не посчастливилось родиться в состоятельной семье, «не имеет ни малейшего права требовать какого-либо пропитания». «На великом жизненном пиру нет для него места. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор»¹⁰.

О Мальтусе и всех его последователях писал еще Маркс словами, полными гнева и сарказма: «Господин Ланге сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается в фразе *Stuggle for life* «борьба за существование» (выражение Дарвина применительно к этому случаю есть простая фраза), а содержание этой фразы — закон Мальтуса о народонаселении. Таким образом, вместо того, чтобы анализировать *Struggle for life*, как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится к тому, чтобы подогнать всякую конкретную борьбу под фразу *Struggle for life*, а эту фразу — под мальтусову фантазию о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод для надутого, прикидывающегося научным высокопарного невежества и легкости мысли»¹¹. Энгельс называл теорию Мальтуса «гносным, низким, отвратительным издевательством над природой и человеком»¹². Как справедливы эти слова и по отношению к современным англо-американским расистам, пережевывающим обветшалые мальтузианские идеи!

С социальным дарвинизмом исторически и идейно неразрывно связана евгеника, родиной которой является опять-таки Англия. Основателем

¹⁰ Цит. по русскому переводу, изд. 1868 г.

¹¹ Письмо Маркса к Кугельману от 27 июня 1870 г. «Избранные письма», 1947, стр. 239.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 313.

евгеники был английский ученый Фрэнсис Гальтон, выступивший в 1904 г. в Лондонском социологическом обществе с докладом «Евгеника, ее определение, задачи и цели».

В своих работах Гальтон развивает мысль о вырождении наследственно наиболее ценных слоев населения, которые сосредоточены в высших классах, и о необходимости борьбы с этим вырождением путем искусственного подбора брачных пар, так как возможность улучшения расы зависит от возможности увеличения плодовитости лучших родов. Гальтон настойчиво пропагандирует идею превосходства наследственных качеств аристократии и буржуазии и неполноценности трудящихся. Это архиреакционное учение с самого начала обнаружило и в самой Англии, и в Америке совершенно ясно тенденцию связывать свои выводы с теорией неравенства рас. Ужаснувшая все человечество «расовая гигиена» с ее методами принудительной стерилизации «неполноценных» в фашистской Германии является лишь практическим осуществлением идеи, зачатки которой можно найти у английского евгеника Гальтона.

Наиболее яркой фигурой английской реакционной науки о человеке являлся Карл Пирсон (1857—1936), философские взгляды которого были подвергнуты уничтожающей критике В. И. Лениным в его классической работе «Материализм и эмпириокритицизм», где вскрыта идеалистическая сущность философии этого «английского махиста»¹³. В своих работах Пирсон развивает евгенические идеи Гальтона. Теория эволюции, по Пирсону, применима также к человеческим обществам; в ней надо черпать указания, как строить крепкую и владычествующую нацию путем искусственного отбора методами евгеники. «Исключительные семьи,— писал Пирсон,— могут в течение многих поколений создать исключительный человеческий тип... С другой стороны, сильно выродившиеся индивидуумы, изолированные в бедных кварталах наших городов, могут создать особую породу людей, породу, которую нельзя возвысить путем одного только изменения окружающих условий, которая может быть прочно улучшена только путем смешения с представителями более благородной крови. Но это есть исправление социального зла путем истощения социально высших типов... Гораздо более рациональным средством было бы помещение дурной породы в такие условия, которые делают ее относительно и абсолютно бесплодной». И эти слова принадлежат человеку, который пишет о «гуманистическом факторе революции!» Впрочем, «гуманизм» Пирсона — это откровенный расизм. «Это ложный взгляд на общечеловеческую солидарность,— пишет Пирсон,— это расслабленное гуманничанье, а не настоящий гуманизм — сожалеть о том, что способная и сильная раса белых людей должна заместить собой темнокожие племена, совершенно неспособные ни утилизировать свою территорию на благо всего человечества, ни внести свою долю в общий капитал человеческого познания. Борьба цивилизованных людей с нецивилизованными и с природой создает известную частичную солидарность человечества, которая воспрещает каждой отдельной нации расточать общие ресурсы человечества»¹⁴.

В США эти евгенические призывы английских «теоретиков» сразу же получили практическое осуществление. Начиная с 1907 г., в ряде штатов США была узаконена принудительная стерилизация. В штате Нью-Джерси законом от 21 апреля 1911 г. легализовалась стерилизация содержащихся в богадельнях, домах для нищих и карательных заведениях. Аналогичный закон был издан в штате Нью-Йорк 16 апреля 1912 г. Стерилизация преступников и душевнобольных была зако-

¹³ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 75.

¹⁴ К. Пирсон. Грамматика науки, пер. с англ. изд. В. Базарова и П. Юшкевича, Изд. «Шиповник», СПб., стр. 431.

нена, кроме того, в период с 1907 по 1913 г. в штатах Индиана, Вашингтон, Калифорния, Коннектикут, Невада, Айова, Северная Дакота, Канзас. К началу 1926 г. из 48 штатов 23 провели закон о стерилизации преступников.

Представление о преступности как явлении биологическом, искажающее истинное положение вещей, характерно для эпохи империализма. Обострение общественных противоречий не могло не породить у господствующих классов стремления приписать социальное неравенство людей природным различиям между ними и свалить ответственность за рост нищеты и преступности на законы наследственности. Недаром Пирсон писал: «Можно считать доказанным, что и совесть как одно из основных свойств человеческой психики переходит по наследству к детям. Я не сомневаюсь поэтому и в том, что преступные наклонности наследуются потомством»¹⁵.

Тесная связь евгенических идей с расовой теорией хорошо иллюстрируется тем фактом, что параллельно с мероприятиями, направленными против «неполноценных», проводились законы, устанавливающие расовую дискриминацию. В 1890 г. в США была запрещена иммиграция китайцев. Был издан ряд актов, поощрявших въезд иммигрантов из Германии и Англии, население которых, по мнению правящих кругов Америки, наиболее соответствовало евгеническим идеалам. Многие штаты США издали законы, которые запрещают браки с неграми, мулатами и другими неевропейскими расами, карая нарушителей заключением в тюрьме, в некоторых штатах сроком до 10 лет. Вот, где истоки «научных» выкладок современных американских евгеников типа Джона Берма, который с самым серьезным видом рассуждает о том, какой процент негрской крови позволяет причислить американского гражданина к нижней расе. Оказывается, для этого достаточно $\frac{1}{64}$ части негрской крови! Практика этих «теоретических» выкладок, как мы знаем,— суды Линча, ставшие в США обычным явлением уже в конце прошлого века.

Победа социалистической революции в России не могла не вызвать тревоги у реакционных кругов во всем мире. Стремление этих кругов использовать силы науки для построения теорий, враждебных поступательному ходу истории, отразилось очень ярко на Втором международном евгеническом конгрессе, который был созван в сентябре 1921 г. в Нью-Йорке. Уже упоминавшийся Генри Осборн приветствовал этот конгресс словами: «Я сомневаюсь, был ли когда-нибудь момент в истории человечества, когда бы международная конференция, посвященная особенностям рас и их улучшению, была более важной».

Очень показательным, что на этом конгрессе с центральным докладом выступил не кто иной, как Ваше-де-Лапуж. Не случайно, что после 15-летнего молчания он заговорил именно на конгрессе в Нью-Йорке. Снова прозвучали слова об угрозе цивилизации со стороны низших слоев населения. Борьба классов, заявил Лапуж, есть в действительности борьба рас. Знаменательны заключительные слова основателя антропосоциологии, в которых он вспомнил о своей лекции в Монпелье в 1887 г. Он призывал тогда к искусственному отбору, чтобы вывести высшую породу людей, и говорил, что возлагает свои надежды в этом деле на англо-саксов. «Тогда я был один на моей университетской кафедре в Монпелье. Теперь я переправился через океан, чтобы соединиться с вами, а вы — это целая толпа вокруг меня. Американцы, я утверждаю, что от вас зависит спасение цивилизации и создание породы людей»¹⁶.

¹⁵ К. Пирсон, Грамматика науки.

¹⁶ V. de Lapouge, La race chez les populations mélangées, Eugenics in Race and State, vol. II, Baltimore, 1923, стр. 1—6.

Американские евгенисты вполне оправдали надежды Лапужа. Некие Попеное и Джонсон писали в своем большом труде «Прикладная евгеника» о том, что одна из важнейших задач современности — усилить размножение руководящих и богатых элементов общества и по возможности уменьшить размножение низших слоев, в частности негров. В тяжелом раздумье по поводу трудностей первой задачи авторы предложили побольше писать картин, изображающих мадонн с младенцами, и демонстрировать их зажиточным людям, а также почаще исполнять в их присутствии детские песенки. Что касается негров, то авторы воздерживаются от того, чтобы рекомендовать содействие распространению среди них сифилиса и других болезней, хотя с евгенической точки зрения меры такого рода, по их мнению, имели бы некоторый смысл.

Образец человека для Попеное и Джонсона — одаренный в деле наживания денег практик. Самые дарования людей, фигурирующие в их книге как «хорошие гены», в сущности говоря, уподобляются деньгам в твердой валюте. Человеческие дарования для авторов книги лишены качественного своеобразия, т. е. могут быть только «меньше» и «больше» и измеряются тем или иным числом единиц; они не формируются в процессе деятельности, но выпущены для обращения природой в готовом виде; они имеют покупательную силу и их следует копить в качестве «евгенического генофонда». Авторы, однако, сурово отзываются о музыкальной способности, считая ее, вслед за Августом Вейсманом, свойством примитивным. Это им нужно для того, чтобы музыкальность негров не опровергала взгляда об их принадлежности к «низшей породе» людей¹⁷.

Подобные евгенические домыслы, пронизывающие самые различные области американской науки, неразрывно связаны с реакционным, идеалистическим направлением в генетике — вейсманизмом-морганизмом, с учением о непрерывности зародышевой плазмы и ее полной независимости от влияний среды.

В самые последние годы в США особенно усилилось это расистско-евгеническое направление. Очень показательна в этом отношении книга профессора Гарвардского университета Эдуарда Торндайка, главы одного из реакционных направлений американской психологии, «Человек и его деятельность», появившаяся в 1943 г. Основное содержание этой книги сводится к тому, чтобы показать наследственную обусловленность человеческой психики и независимость сознания от условий жизни и воспитания. По мнению автора, существуют особые «гены сознания», которые и определяют все поведение человека¹⁸. За этими «генами сознания» нетрудно разгадать у Торндайка «расовую душу». Недаром еще в 1924 г. он писал: «Большой прогресс одних учеников по сравнению с другими объясняется более высокой врожденной способностью или принадлежностью к белой, а не к цветной расе»¹⁹.

Ряд ярких примеров из современной англо-американской генетической и евгенической литературы был приведен на сессии ВАСХНИЛ, происходившей в августе 1948 г.²⁰ Особенно подчеркивают американские генетики якобы грозящее человечеству абсолютное перенаселение и, послушно следуя за Мальтусом, разрабатывают проекты ограничения рождаемости в колониальных странах с их «цветным» населением. Так, например, главный редактор американского журнала «Journal of Here-

¹⁷ Popenoe and Johnson, Applied Eugenics, New York, 1922.

¹⁸ E. L. Thorndike, Man and his works, 1943.

¹⁹ См. Н. Менчинская, Политическое саморазоблачение Эдуарда Торндайка, «Учительская газета» от 30 сентября 1948 г.

²⁰ «О положении в биологической науке», Стенограф. отчет сессии ВАСХНИЛ 31/VII—7/VIII 1948 г., М., 1948, Речь И. Е. Глущенко, стр. 189—190; см. его же, Против идеализма и метафизики в науке о наследственности, «Вопросы философии», 1948, № 2, стр. 133—147.

dity» Р. Кук в 1945 г. писал: «Любая организация мира, которая будет утверждена Большой Пятеркой и пятьюдесятью малыми странами, будет представлять собой лишь фундамент с большими трудами воздвигнутого здания взаимного понимания и сотрудничества... Но за красивыми словами и большими надеждами вдали вырисовывается одна проблема, настолько жуткая и сложная, что мы предпочитаем игнорировать ее,— это вопрос о перенаселении... Несмотря на презрительные отношения некоторых мыслителей, она все же остается зловещей тенью нашего будущего»²¹. Так страх перед грядущими кризисами и неизбежным крушением всей капиталистической системы порождает у ученых апологетов империализма зловещие призраки мнимых опасностей перенаселения.

IV

Стремление «научно» обосновать умственное превосходство европейцев, и в первую очередь англо-саксов, над другими народами, восходящее в Америке ко временам Нотта и Глиддона, очень выпукло выступает в психотехнических исследованиях, ставших чрезвычайно модными в США в последние десятилетия. В бесчисленных работах американских психотехников приводятся результаты сравнительных исследований одаренности различных народов, выражаемые разнообразными тестами и так называемым «коэффициентом ума» — «Ай-Кю» (IQ), который представляет собой усредненный итог различных статистических операций над теми же тестами. Несмотря на явную методологическую несостоятельность самого приема тестов и порочность «коэффициента ума», американские авторы упорно продолжают придерживаться этой методики²².

Какие вопиющие нелепости выдавались за научные факты в этих работах, можно видеть, в частности, на примере «капитального» произведения Девенпорта и Стеггерды «Смешение рас на Ямайке», где авторы всеми средствами стремятся доказать умственное превосходство белых над неграми. Об уровне этого монументального труда свидетельствует, например, вывод авторов о более высокой способности белой расы складывать фигуры из деревянных брусков по сравнению с черной расой. Оказывается, однако, что среди белых, подвергшихся испытанию, значительно больше земледельцев — фермеров, конечно, знающих с плотничаньем; кроме того, из 50 исследованных белых моряки и корабельные строители составляют 38%. Опыты «ученых»-психотехников доказали, что люди, которые умеют плотничать, успешно справляются с плотничьей работой! Интересно далее следующее обстоятельство. Обнаружилось, что негры лучше белых выполнили арифметические задания. Авторы спешат заявить на странице 469, что даже счетная машина быстро и аккуратно считает и что способность такого рода есть свойство более просто устроенного мозга²³. Однако авторы забыли, что несколькими строками выше они же заявили о том, что сложение даже простейших чисел требует умения «осуществить плановую композицию» — качества, типичные, по их мнению, для белой расы.

Мы упомянули о книге Давенпорта и Стеггерды, поскольку она принадлежит широко известным среди специалистов авторам. Не будем загружать изложение приведением других примеров из области психотех-

²¹ R. Cook, Devils Cul-de-sac, «The Journal of Heredity», vol. 36, 1946, No. 7. Цит. по указанной выше статье Глущенко, стр. 141

²² Критический разбор психотехнических работ см. Я. Я. Рогинский, О психотехническом исследовании разных племен и народов, сб. «Наука о расах и расизм», М., 1938, стр. 81—104.

²³ C. B. Davenport and M. Steggerda. Race crossing in Jamaica, Washington, 1929.

ники и коснемся из новейших работ лишь статьи Г. Гаррета, профессора психологии Колумбийского университета, появившейся в октябре 1947 г.²⁴ Эта статья, озаглавленная «Различия в умственных способностях негров и белых в США», особенно интересна потому, что автор заявляет о своей симпатии к неграм и декларирует свою полную научную объективность. Содержание его статьи, однако, плохо согласуется с этими заявлениями. Автор начинает с разбора работы Мак Гроу, проведенной в 1931 г. в целях сравнения способностей 68 белых и 70 негритянских детей в возрасте от 2 до 11 месяцев, проживавших в одной южной общине. Исследовались движения, память, подражание, элементарное «рассуждение». Принимая за общую норму для белых детей 100, Мак Гроу получил для исследованных им белых малюток среднюю цифру 105, а для негритянских — 92. 28% негритянских детей дали показатели выше ста. Автор считает, что эти данные ценны как доказательство расовой отсталости негров, потому что, по его мнению, в этом возрасте влияние социальных факторов является минимальным или вообще несуществующим. Поэтому он не придает значения тому, что образовательный уровень белых родителей был намного выше уровня черных родителей, и тому, что рост и вес негритянских детей был ниже.

Выводы автора, конечно, совершенно неубедительны. Так, если говорить о втором полугодии грудного детства, то, по утверждению крупных специалистов, воспитывающее влияние среды в этом возрасте огромно, так как психологическое общение ребенка этого возраста с окружающими людьми хотя и элементарно, но очень велико. Это — возраст интенсивного образования привычек. Не приходится говорить, какое значение имеют питание, общая обстановка, богатство предметов, составляющих среду ребенка, и пр. В специальных работах было показано, в частности, что особая гимнастика, примененная к детям грудного возраста, значительно продвигает развитие их двигательных функций. Если, по признанию самого автора, внешние условия были не вполне одинаковы и складывались более благоприятно для белых, то каким же образом можно считать, что вывод о расовой природе найденных различий доказан? Хорошо известно, что этнографы и путешественники по Африке отмечали высокую одаренность детей негров в естественной обстановке. Они наблюдали, например, как негрские дети в возрасте 3—4 лет умели управлять пирогой, ставить западни для птиц, ловить лисиц и т. д.

Такие же недопустимые ошибки делает автор и в своей дальнейшей аргументации. Никакие оговорки автора не могут заменить значение им же приводимых фактов. Оказывается, например, что негры и белые меняются местами в шкале «психотехнической успешности» при перемене социальных условий. «Показатели одаренности» у негров из северных штатов (Огайо, Иллинойс) значительно выше, чем у белых из южных штатов (Миссисипи, Кентукки, Арканзас, Джорджия). Эти данные, как и очень многие другие, сводят на-нет все попытки Гаррета использовать психотехнические тесты для доказательства расовых различий в уровне одаренности.

Что касается уверений Гаррета о его доброжелательном отношении к неграм, то, при всей похвальности таких чувств, в этом случае они вряд ли смогут принести неграм что-либо, кроме вреда. Сторонники расовой дискриминации получают, благодаря статье Гаррета, возможность сказать, что даже «друзья» негров вынуждены признать их низкой расой. А большего и не требуется от профессора психологии Гаррета, потому что практические выводы сумеет сделать за него другие.

²⁴ H. Garret, Negro-white difference in mental ability in the U. S. A., «Sc. Monthly», October 1947.

V

Как мы видели, для обоснования всевозможных расистских концепций особенно охотно используются специальные антропологические данные. В американской научной литературе из года в год появляется значительное количество работ, посвященных расовым различиям в строении скелета, мышечной системы, внутренних органов и, в особенности, мозга. Немало специальных исследований выходит и по этнической антропологии. Многие из них явно тенденциозны и насыщены расистскими построениями. Другие конкретные антропологические работы внешне носят объективный характер, но и в них нередко, возможно независимо от намерений авторов, сказывается тлетворное действие расистских идей. В этой связи более подробного рассмотрения заслуживает монография известного американского антрополога Карлтона Куна «Расы Европы», вышедшая еще в 1939 г.²⁵ Это солидный том в 700 с лишним страниц с многочисленными иллюстрациями, таблицами и картами.

Когда читатель впервые перелистывает эту книгу, у него может создаться впечатление о прогрессивных взглядах Куна и антирасистской направленности его труда. Так, автор заявляет, что он рассматривает расу как подвижную систему, что вопросы формирования расового состава населения отдельных стран должны изучаться в связи с культурными и историческими объединениями, которые возникали на данных территориях, что человеческие расы нельзя трактовать только с биологической точки зрения. Автор с уважением отзывается о работах советских антропологов и широко использует их в своей книге. Однако такое благоприятное впечатление от работы Куна, к сожалению, рассеивается при ближайшем знакомстве с его общей концепцией.

Формирование расового состава всего современного человечества автор рисует как результат смешения двух совершенно независимых по своему происхождению видов. Один из них — *Homo sapiens* — развился в течение плейстоцена из фетализированной третичной человекообразной обезьяны. Другой, включающий питекантропа, синантропа и неандертальца, сложился в ту же эпоху, дав тяжелые, грубые формы с развитыми челюстями, зубами и костными гребнями. В течение среднего и начала позднего плейстоцена оба вида смешивались, в результате чего возник человек верхнего палеолита Европы, Северной Африки и Северной Азии, откуда он попал и в Америку. Предки белой расы в своем большинстве развивались в течение пльвиальных периодов плейстоцена в области, простиравшейся от Сахары до Северной Индии. Именно здесь они изобретали земледелие и скотоводство и в последующее время проследовали в Европу, где смешались с местными охотниками и рыболовами, бывшими носителями верхнепалеолитических культур. Эти носители древнейших высоких культур земледелия и скотоводства принадлежали к различным вариантам «средиземноморского расового ствола» (*basic Mediterranean stock*); они различались между собой по многим признакам, в особенности по росту и пигментации, но в целом по основным свойствам образовывали единство, резко отличное от небелых (*non-white*) рас (стр. 1—2). Это центральное положение своей книги Кун иллюстрирует схемой (стр. 290), на которой от средиземноморского ствола ветвями расходятся некоторые расы Европы: собственно средиземноморская, северная, динарская и др., а от другого ствола «палеантропов» (*palaeanthropic stock*) — все остальные расы человечества, в том числе из европейских — «новодунайская» восточно-балтийская, альпийская и др. В числе предков средиземноморского ствола Кун помещает человека из Галлей-Хилл, из Сванскомба, из Пильтдауна, из Каньеры и Канама в Восточной Африке. Предками

²⁵ Carleton St. Coon, *The races of Europe*, 1939.

палеантропов являются питекантроп, синантроп и гейдельбергский человек, явантроп, родезиец и неандерталец. Такова концепция Куна.

Облеченная в сугубо академические формы, она по своему существу носит расистский характер. Уже в самых своих истоках белая раса является носителем высших культур; по своему же происхождению она не имеет ничего общего со всеми другими расами человечества, которые, по мнению Куна, происходят от примитивных форм. Здесь сконцентрированы наиболее реакционные построения в области антропогенеза и расоведения, давно отброшенные передовой наукой как в СССР, так и за рубежом. В советской антропологической литературе неоднократно была вскрыта несостоятельность концепций о раннечетвертичном возрасте *Homo sapiens* и о его независимом от неандертальцев происхождении; была показана полная необоснованность ссылок на находки из Галлей-Хилла, Пильтдауна, Сванскомба и т. д. как на доказательство древнего и независимого происхождения *Homo sapiens*. Можно считать установленным, что питекантропы и неандертальцы представляют собой последовательные стадии в развитии современного человека ²⁶.

Кун совершенно голословен, когда пишет о противопоставлении средиземноморского ствола остальным расам; он полностью игнорирует конкретные исторические данные, когда только предкам белой расы приписывает изобретение земледелия и скотоводства.

Особенно показательно, что среди «избранных» рас средиземноморского ствола целиком свободными от примеси крови палеантропов оказываются только северная, средиземноморская, атлантическая и ирано-афганская (стр. 290). Так создается иерархия и среди европейских рас. Когда рассматриваешь карту распространения рас Европы, составленную Куном (стр. 294—295), ясно видишь, как автор пытается в первую очередь именно Англию насытить представителями северной расы и найти следы ее бывшего распространения на огромной территории от Ирландии до Кавказа и от Скандинавии до Греции (см. также карту на стр. 176—177). Невольно приходится на память очень сходные карты в «Трудах» Мэдисона Гранта и фашистского «теоретика» Гюнтера, правда, с перенесением на картах Куна главной области распространения северной расы из Германии в Англию!

Еще более оправданными оказываются эти ассоциации с явными расистами, когда рассматриваешь концепцию Куна по проблеме расогенеза. Автор очень большое значение придает здесь селекции; объясняя различные миграции как в древние периоды, так и в настоящее время, он видит в переселенцах отобранные группы населения, отличающиеся от его основной массы расовыми особенностями. Это относится, например, и к носителям неолитической культуры шнуровой керамики в Центральной Европе и к недавним польским иммигрантам в США. По мнению автора, поляки-иммигранты отличаются от своих соотечественников в Польше большим ростом, более светлой пигментацией и длинноголовостью, т. е. чертами северной расы. По Куну, это — результат расовой селекции. Эмигранты, пишет он, это всегда «специальная группа, отобранная на основе их пригодности и способности к переселению» (стр. 7). Так воскрешается обветшалый «нордический миф»! Вряд ли нужно подчеркивать, что Кун не приводит и не смог бы привести никаких фактических данных для обоснования этих положений.

Не менее ярким образцом той псевдонаучной литературы, которая, декларируя свое отрицательное отношение к расистским теориям, сама

²⁶ См., например, М. Г. Левин и Я. Я. Рогинский, Советская антропология за 30 лет, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 52—70; Я. Я. Рогинский, К вопросу о древности человека современного типа, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 33—40.

развивает не менее реакционные, по существу также расистские взгляды о биологической неравноценности отдельных народов и наций, является книга известного американского социолога Хантингтона «Движущие силы цивилизации», вышедшая уже после войны²⁷. Хантингтон — профессор Йельского университета (Коннектикут), автор многочисленных книг и статей, посвященных антропогеографическим проблемам, в которых он в течение сорока лет пропагандирует идеи об определяющей роли биологических и географических факторов в истории человеческого общества. Можно указать такие произведения Хантингтона, как «Цивилизация и климат» (1924), «Принципы человеческой географии» (1940), «Пульс прогресса» (1926) и т. д.

Последняя работа Хантингтона, которая, по словам самого автора, подводит итог всей его научной деятельности, претендует на разрешение всех основных проблем мировой истории вплоть до самых острых вопросов современности. Об этом говорит уже само оглавление книги, которое включает такие названия, как «Основы цивилизации», «Проблема расы», «Характер и наследственность», «Селективный процесс в истории», «Человеческая активность и температура», «Социальные условия, религия и климат», «Географические оптимумы цивилизации» и т. д. Уже в самом начале книги автор объявляет, что в конечном счете законы истории непознаваемы и что «мы никогда не сможем сказать, почему цивилизация движется вперед, так же как не сможем сказать, почему высшие типы животных на протяжении ряда геологических эпох развивались вплоть до появления человека» (стр. 3). Этот «философский» агностицизм, примиряющий автора, как он сам признает, с открыто идеалистической концепцией о роли «божественных законов» в истории, не мешает ему эклектически сочетать самые различные вульгарно-материалистические взгляды на развитие человека и его культуры. Но все содержание книги отражает не столько эту беспомощную философскую позицию Хантингтона, сколько ясно выраженную реакционную направленность его историко-социологических взглядов, сводящихся к отрицанию классовой борьбы и к подмене ее, с одной стороны, биологическими факторами наследственности и селекции, а с другой, — такими географическими процессами, как изменение климата, колебание температуры, и даже космическими явлениями вроде числа солнечных пятен, фаз луны и т. д. Автор старается убедить читателя в своей научной объективности стилем изложения, ошеломляя огромным числом цифровых таблиц, схем, диаграмм и карт, но рассчитывает, повидимому, не на слишком искущенного читателя, если думает, что за этим «научным» аппаратом не видно фальсификаторского характера приводимых данных и их интерпретации. Можно привести в качестве примера 4 карты на стр. 256—257, где автор сопоставляет эффективность действия климатических условий на человека с географическим распространением автомобилей, образования и, наконец, «общего прогресса» (General Progress) в целом. Все это в мировом масштабе. Как и следовало ожидать, зная установки автора, вся эта научная эквилибристика приводит к «доказательству» того, что оптимумы на всех четырех картах оказываются приуроченными исключительно к англо-саксонским странам (США, Англия, Канада, Австралия и Новая Зеландия) и частично к Западной Европе. Итак «общий прогресс» — удел избранных наций.

Что же понимает автор под «общим прогрессом»? Приведем его собственные слова: «...сила инициативы, способность к созданию новых идей и их реализации, сила самоконтроля, высокие стандарты чести и

²⁷ E. Huntington, *Mainsprings of Civilisation*, N. Y. and London, 1945. Краткий разбор этой книги см. В. Матвеев и Ю. Семенов, Теория расизма на вооружении американской реакции, «Известия» от 19 ноября 1943 г.

морали, способность руководить и контролировать другие расы...» (стр. 261). Вот они какие, англо-саксы! Чтобы не быть заподозренным в пристрастии к своим соотечественникам, автор с серьезным видом сообщает, что карту «общего прогресса» он составил на основании опроса 50 специалистов-экспертов из 15 стран (стр. 260). Трудно представить себе более злую карикатуру на научное исследование, чем эти рассуждения Хантингтона, который, видно, не понимает, что нелепость, высказанная пятьюдесятью анонимными экспертами, не становится от этого меньшей нелепостью. Тут нет даже намека на обоснование декларируемого положения о высоких умственных и моральных качествах англо-саксов какими-нибудь данными, хотя бы столь излюбленными в Америке махинациями с психотехническими тестами.

Читатель не удовлетворен картами — можно диаграмму! На стр. 251 даны диаграммы относительного места девяти наций по таким показателям, как здоровье и жизнедеятельность населения, производительность труда в сельском хозяйстве, производительность труда рабочего и доход на душу населения. И здесь три первых места занимают англо-саксы (Новая Зеландия, США и Великобритания). Ссылки на экспертов здесь уже нет, и автор ограничивается глухими ссылками на свои собственные «исследования». Число примеров из книги Хантингтона можно было бы увеличить во много раз, но все они оказались бы совершенно в таком же стиле: высота отдельных столбиков на диаграммах строго «коррелирует», употребляя терминологию автора, с его симпатиями к той или другой нации.

На картах и диаграммах Хантингтона не забыт и Советский Союз. Как и следовало ожидать от пятидесяти почтенных экспертов проф. Хантингтона, СССР занимает по всем показателям прогресса место далеко позади англо-саксонских стран; на упомянутых диаграммах он оказывается между Японией и Индией. Это не удивительно, если учесть, что в числе огромной библиографии в книге Хантингтона советские издания совершенно отсутствуют.

Автор не может не почувствовать противоречия между столь низкими показателями по СССР и его известными всему миру успехами в социалистическом строительстве и в Великой отечественной войне с фашистской Германией. Успехи эти автор объясняет, исходя из своей общей концепции. Оказывается, например, что войну с Германией Советский Союз выиграл главным образом потому, что в последние десятилетия средняя температура воздуха в Архангельске, Москве, Ленинграде и Свердловске несколько повысилась (стр. 410—416). Если гитлеровские обозреватели объясняли наши победы, как мы помним, холодной русской зимой, то уважаемый профессор ссылается на обратное — потепление русского климата. Повидимому, и тем и другому одинаково неприятны истинные причины силы и могущества социалистического государства.

Мы приведем некоторые примеры обращения автора к географическим факторам. Рассмотрим его взгляды на вопросы роли биологических факторов в истории. Учитывая, что германская расовая теория окончательно скомпрометировала себя даже в глазах среднего американца, Хантингтон заявляет о своем отрицательном отношении к «нордическому мифу» (стр. 38). Однако, как мы увидим дальше, его собственные построения в отношении человеческих рас недалеко ушли от построений таких откровенных расистов, как Гюнтер, Шейдт, Фишер и др. Хантингтон конструирует понятие «родственной группы» (kith) — «группы или народа со сходной культурой, языком и общностью браков...» «Тщательное изучение как биологических, так и культурных особенностей этих родственных групп,— пишет он,— несомненно, поможет осветить почти все периоды истории и объяснить поразительное число загадочных деталей» (стр. V). В качестве примеров таких kiths автор

приводит кочевников Аравии, персов Индии, «поэтический народ Исландии», квакеров, немецких юнкеров, монголов и др. (там же). Перед нами старая песня на новый лад — понимание нации как расы, т. е. как биологической общности людей. Не лишне напомнить, что именно этот вариант расовой теории получил особенное признание среди германских расистов в период гитлеризма.

В основе формирования так называемых «родственных групп» лежат, по мнению Хантингтона, явления отбора, действием которого автор приписывает решающее значение в процессах выработки как расовых, так и социальных особенностей этих групп. Автор говорит о двух законах (principles) отбора: элиминирование особей, не приспособленных к данным условиям существования, с одной стороны, и исчезновение тех обычаев и нравов, которые вредны для всей «родственной группы» — с другой (стр. 171—172). Этими селективными процессами Хантингтон объясняет биологические и культурные различия между оседлыми и кочевыми народами, в столкновении которых он видит одну из главных причин истории. Отбором же автор объясняет возникновение таких качеств кочевников, будто бы специфичных только для них, как изобретательность, самоуверенность, инициативность и даже... гостеприимство и демократия (стр. 175).

В этом селективном процессе особенную роль играли переселения в новые страны и выживание в трудных условиях миграций наиболее одаренных. Одним из высших продуктов отбора является население Северной Европы, в особенности Исландии. Не трудно уловить основную нить рассуждений автора, которая ведет читателя к тому, чтобы уверовать в то, что высший элемент человечества составляют англосаксы США — отборная группа из числа тех же северных европейцев (стр. 122—148). Войны, преследования, голодовки, по Хантингтону, также являются благодетельными селективными факторами (стр. 160—169). Автор нигде не упоминает основателя антропосоциологии Вашеде-Лапужа, но все его рассуждения и выводы как по своей реакционной направленности, так и по характеру «аргументации» (отсутствие в сущности всяких фактических аргументов) поразительно совпадают с «законами» антропосоциологии — этого отвратительного извращения учения Дарвина и одной из наиболее живучих форм расизма.

Из наиболее откровенных по своей расистской направленности книг американских антропологов следует назвать объемистый том, написанный проф. Хутоном и вышедший в свет под странным заглавием «Почему люди ведут себя, как обезьяны, и наоборот»²⁸. Книга возникла на основе пяти лекций, прочитанных автором в Принстонском университете. В соответствии с этим она делится на пять частей, посвященных «телу и поведению»; 1) в отряде приматов, 2) в человеческом семействе в целом, 3) у человеческих рас, 4) в нациях и этнических группах, 5) у отдельных индивидов. Реакционная, лженаучная книга американского антрополога пытается доказать, что телесные особенности человеческих рас и индивидов оказывают решающее влияние на психику и поведение людей. Автор выступает как законченный расист и утверждает целесообразность насильственной стерилизации «неполноценных» людей. Основная идея, которой посвящена книга, заключается в том, что строение тела животных и их поведение связаны между собой. Хутон рассматривает ее применительно к разным группам приматов, затем к расам человека и, наконец, к типам сложения людей. Проблему преступности у человека автор разрешает с тех же позиций, что и вопросы о поведении лемурув и горилл.

Автор много говорит о расовых различиях в психике и не пренебрегает грубой руганью по адресу мыслителей и ученых, которые придают

²⁸ E. A. Hooton, Why men behave like apes and vice versa, 1947.

решающее значение для психики человека социальным и историческим условиям ее формирования, хотя сам вынужден придти к заключению, что влияние расы на поведение меньше, чем социальной традиции (стр. 192). Автор не скрывает своего отвращения к человечеству: «Медицина в ее современном состоянии полужизни спасает миллионы жизней, большая часть которых недостойна спасения, потому что они слабы телом и духом... Общество, пожалуй, может допустить бремя поддержки миллионов калек и инвалидов, пострадавших на войне или вследствие острых инфекций, но общество не может выдержать истощения своих биологических и экономических ресурсов в результате размножения людей неполноценных конституционно...» (стр. XVII).

Цинизм этой книги вычеркивает имя Хутона, в прошлом автора ряда антропологических работ, из списка ученых. Многие американские газеты дали весьма лестные отзывы о книге Хутона, как о блестящем опыте популяризации антропологии. Хутон действительно не пожалел средств, чтобы «развлечь» читателя, даже переходя местами в открыто шутовской тон. Повидимому, для определенных слоев американского общества наряду с такими книгами, как «Занимательная физика», «Занимательная ботаника» и т. п., желателен новый, создаваемый Хутоном, жанр, который можно было бы назвать «Занимательное чело-веконенавистничество».

В 1946 г. в американском журнале «Маммалогия» появилась статья американского зоолога Раймонда Холла под названием «Зоологические подвиды человека за столом мира»²⁹. Автор заявляет о себе как о противнике расизма. «Не смогут ли факты, собранные зоологом,— спрашивает Холл, быть использованы теперь за столом мира, когда война окончилась?» Автор делит человечество на пять подвидов с нижеследующими названиями: 1) *Homo sapiens sapiens* (кавказская раса); 2) *Homo sapiens americanus* (индейцы); 3) *Homo sapiens asiaticus* (монголы); 4) *Homo sapiens afer* (негры); 5) *Homo sapiens tasmanicus* (туземцы Австралии).

Термин «*Sapiens*» мимоходом два раза приписан белой расе в отличие от всех «цветных» рас, т. е. и как видовое и как подвидовое название. «Антирасист» Холл, таким образом, начал свою речь за «столом мира» с того, что рассадил расы человечества на разные места. Расы человечества чрезвычайно сильно отличаются друг от друга, даже по запаху. Как же установить мир между ними, основываясь на зоологических данных? Оказывается, зоология нас учит, что когда подвиды сталкиваются на одном ареале, то происходит либо смешение и, тем самым, своего рода вымирание через растворение, либо, чаще, убийство и истребление одним подвидом другого и оттеснение его в условия, весьма неблагоприятные для жизни (стр. 361—362). Далее автор предлагает другую «закон» зоологии: переселенцы из большой области всегда вытесняют туземных жителей малой области. Примеры: олени, мыши, переселившиеся из Азии в Аляску. Затем автор переходит к человеку. Выдержат ли белые Америки натиск со стороны восточных азиатов, уроженцев огромного азиатского материка? — спрашивает он с тревогой. Дело не так просто, однако, по мнению автора. Ведь сами «кавказцы», белые люди, пришли с огромного материка Евразии; поэтому то, что белые сделали с индейцами, этого восточным людям не удастся сделать с белыми! Шансов примерно 50 на 50. Но необходимо ли это столкновение? Нет, заявляет автор. Нужна гармония. Каждый подвид должен сидеть на своем ареале, чтобы избежать конкуренции и кровопролития. Не следует пускать азиатов в Америку и давать им право гражданства. Пусть каждый подвид развивается сам. Так окончился

²⁹ E. Raymond Hall, *Zoological Subspecies of man at the peace table*, «*Journ. of Mammalogy*», vol. 27, No. 4, 1946, November, стр. 358—364.

праздник мира, чтобы за столом был мир, гости прочь из-за стола. Так подводится биологическая база под столь популярный в США принцип сегрегации — искусственного разделения людей, принадлежащих к различным расам. Этот расистско-евгенический принцип проповедуется теми, кто проводит законы о запрещении браков между белыми и «цветными», кто организует суды Линча под наветом «преступной» связи негра с белой женщиной, кто загоняет негров, индейцев, азиатских иммигрантов в трущобы, кто устанавливает на вагонах ресторанах, гостиницах таблички с надписями: «только для белых». Очевидным ханжеством звучат нередкие в Америке голоса о «гуманности» сегрегации, которая будто бы избавляет «цветные расы» от преследования белых, поскольку контакт между ними затрудняется самой сегрегацией. Сегрегация стала в наши дни нерушимым, хотя и неписанным законом общественной жизни в США. Вот как характеризует этот закон выступающий против сегрегации американский автор «Мы отказываем Вам в праве включать в число Ваших друзей или открывать двери Вашего дома кому бы то ни было, у кого среди предков были негры. Если Вы нарушите это табу, мы Вас вышвырнем из общества»³⁰.

VI

Очень ярко расизм проявляется также в огромном количестве этнографических работ, выходящих в англо-саксонских странах, особенно в США. Англо-американская этнография, давно порвав со славными традициями Моргана и отказавшись даже от эволюционизма Тэйлора, последние десятилетия характеризуется господством реакционных концепций. Англия является родиной того направления в этнографической науке, которое известно под названием «функционализма». В советской этнографической литературе последних лет уже была дана критика методологических основ этой реакционной школы, столь модной в работах английских авторов, посвященных вопросам этнографии колониальных стран, особенно Африки и Океании. Родоначальниками функционализма были английские этнографы Бронислав Малиновский и Радклифф-Браун, декларировавшие прямое подчинение задач этнографической науки интересам колониальных администраторов.

Сущность функционализма в его прикладном применении состоит в изучении «структур» туземных обществ, «функций» отдельных институтов этих обществ для непосредственного использования отсталых форм хозяйства, быта и культуры колониальных народов с целью их эксплуатации и утверждения господства империалистов. В теоретическом плане функционализм характеризуется тем, что рассматривает каждое туземное общество как застывшую систему, вне всякого исторического развития. Антиисторизм является одной из догм функциональной школы, представители которой, выступая против познаваемости исторического процесса, стоят, в сущности говоря, на позициях крайнего биологизма в трактовке общественных и культурных явлений, ибо рассматривают их как проявление физиологических и психологических особенностей отдельных индивидов, входящих в состав той или иной конкретной этнической группы. За подобными рассуждениями, часто поражающими своей бессистемностью, за биологизаторскими нелепостями прячет свое лицо реакционная «теория» — расизм³¹.

Наиболее ярко указанные установки функциональной школы проявляются в теоретических трудах и практической деятельности фельдмар-

³⁰ G. H. Dunne, The sin of segregation, сб. «Anatomy of racial intolerance», compiled by G. B. de Huzar, N. Y., 1946, стр. 107.

³¹ О функционализме см.: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 16—17; И. Золотаревская, Функциональная школа в этнографии (сбор), «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 212—214.

шала Смэтса, до недавнего времени бывшего главой правительства Южно-Африканского Союза. Его философская система «холизм» в области этнографии выступает как откровенный расизм, разделяющий белых и черных людей непроходимой пропастью психических расовых различий³². В американской литературе пропаганда тех же положений функциональной школы нашла свое отражение в книге этнографа Чэппла и уже знакомого читателю антрополога Куна «Принципы антропологии», изданной в 1942 г.³³ Мы не останавливаемся подробно на разборе этой книги, так как ее критика была уже дана на страницах «Советской этнографии»³⁴. Напомним только, что лейтмотивом этого труда служит утверждение, будто все общественные явления определяются психологическими импульсами, которые в свою очередь зависят от физиологических процессов неизменной в конечном счете природы человека... Авторы сами определяют основное содержание своей книги как развитие двух положений: о том, что «человек — это организм» и что «регулирование отношений между отдельными индивидами объясняется в терминах непосредственных физиологических явлений» (стр. 695). В числе своих непосредственных идейных предшественников Чэппл и Кун называют и Малиновского, и Радклиф-Брауна, всячески подчеркивая заслуги этих этнографов в том, что они поставили этнографию на службу колониальной администрации. Столь же лестно авторы отзываются о профессоре Чикагского университета Б. Л. Уорнере, применившем принципы и методы функциональной школы к изучению современного американского общества, и указывают на «достижения» этого нового направления в исследовании административной системы Западной электрической компании (стр. V). Чэппл и Кун заявляют, что их методология объединяет принципы «функциональной и исторической школ» в американской этнографии (стр. VI—VII). Однако в действительности мы имеем дело с бессистемным эклектизмом, со всеми пороками функциональной школы.

Мы не можем останавливаться на разборе взглядов Чэппла и Куна по отдельным вопросам развития хозяйства, материальной культуры, социальной организации, религии и укажем только, что во всех этих разделах проявляется и биологизация человеческих отношений, и антропологеографизм, и крайняя модернизация первобытного общества, описываемого в понятиях и терминах современного американского капитализма. Так, например, военную организацию индейцев племени омаха Чэппл и Кун сопоставляют с полицией американских городов и серьезно рассматривают вопрос о сходствах и различиях между ними (стр. 357). Искажая историческую действительность и подменяя сознательно игнорируемые закономерности общественного развития биологическими и географическими факторами, Чэппл и Кун делают поразительное открытие, что, вопреки мнению многих исследователей, классовые различия в США, существовавшие раньше, в настоящее время совершенно исчезли (стр. 435). Нетрудно в рассматриваемом произведении увидеть те же идеи псевдонаучной антропологеографии, что и в разобранный выше книге Хантингтона.

В труде Чэппла и Куна, как уже указывалось, мы находим почти полную ссылку на работы американского профессора Уорнера, который является пионером изучения методами этнографии «современных общин» (Modern communities) разных городов США³⁵. Одна из книг

³² О холизме Смэтса см. И. И. Потехин, Функциональная школа этнографии на службе британского империализма, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 33—49.

³³ E. D. Chapple and C. S. Coon, Principles of Anthropology, N. Y., 1942.

³⁴ См. цит. статьи Толстова и Потехина, а также рец. Н. А. Бутинова в «Советской этнографии», 1948, № 2, стр. 248—251.

³⁵ См. Б. И. Шаревская, Апология расизма в американской этнографии, Обзор. «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 246—248.

Уорнера, написанная им совместно с Л. Сролем, посвящена изучению «социальных систем американских этнических групп»³⁶. Большое место в этой книге занимает анализ темпов «этнической и расовой ассимиляции» различных групп населения США и их превращения в «истинных американцев». Авторы различают несколько «культурных типов»: говорящих по-английски протестантов; протестантов, не говорящих по-английски; говорящих по-английски католиков и других не-протестантов; говорящих по-английски не-христиан и др. Параллельно выделяются и пять расовых типов: «светлые кавказоиды» (в смысле «светлые европеоиды»); «темные кавказоиды», «монголоиды и смешанные с ними группы с обликом темных средиземноморцев», «монголоиды и смешанные кавказоиды с монголоидным обликом» и, наконец, «негры и негроидные метисы». Эти культурные и расовые типы располагаются авторами в форме иерархических таблиц по степени их «субординации», т. е. положения в американском обществе, групповой устойчивости и скорости ассимиляции. Высшее место занимают «светлые кавказоиды», самое низшее — негры; остальные группы располагаются между ними. Расовая принадлежность играет важнейшую роль в быстроте вхождения тех или иных людей в состав американского общества. Так оказывается, что «темным кавказоидам», евреям и магометанам значительно труднее стать настоящими американцами, чем евреям и магометанам с обликом «светлых кавказоидов». Монголам и неграм дорога в американское общество фактически закрыта в силу их расовых особенностей (стр. 284—296). Остается, повидимому, все та же сегрегация как разрешение этих расовых противоречий. Хотят или не хотят того сами авторы, но очевидно, что книга их подливает масло в огонь расовой ненависти и дискриминации в Америке. Предлагаемая Уорнером и Сролем шкала «расовой и этнической ассимиляции» хорошо согласуется с существующими в США «квотами» иммиграции. Высшие «квоты» установлены для англичан и немцев, т. е. по схеме Уорнера и Сроля, «светлых кавказоидов». И далее нормы снижаются примерно в соответствии с расовой и этнической иерархией рассматриваемой книги.

Особенной популярностью в современной американской этнографии пользуется так называемая «психологическая школа», справедливо именуемая в советской этнографической литературе «расистско-психологическим» направлением. Критический анализ этого реакционного направления дан в статье Н. А. Бутинова (с предисловием Редакции), помещенной в настоящем номере «Советской этнографии»³⁷. Хотя представители психологической школы нередко заявляют о своем отрицательном отношении к германскому расизму, но это всегда звучит фарисейством, так как все их построения, их «модели культур», их учение об «основной личности» воскрешают мрачные страницы немецкой фашистской «науки» о «расовой душе» (*Rassenseele*). Эти совпадения, конечно, не случайны: и англо-американский, и германский расизм в конце концов питаются теми же корнями — ненавистью к народным массам, борющимся за свое освобождение, к революционному марксизму — единственной теории, ведущей к уничтожению всякого классового, национального и расового неравенства. Идейными предшественниками и немецких фашистских этнографов, и англо-американских «теоретиков» от этнографии с их биологизацией истории и учением о расовой специфичности отдельных культур являются одни и те же идеологи реакционной науки вроде Лео Фробениуса или Освальда Шпенглера³⁸.

³⁶ W. L. Warner and L. Srole, *The Social Systems of American Groups*, Yankee City Series, vol. III, 1946, New Haven.

³⁷ Н. А. Бутинов, Современная американская «теоретическая» этнография, «Советская этнография», 1949, № 1.

³⁸ О взглядах Фробениуса и Шпенглера см. С. П. Толстов, Расизм и теория культурных кругов, сб. «Наука о расах и расизм», 1938 г., стр. 137—170.

VII

Хорошо известно, что в англо-американских странах, особенно в США, расизм не только процветает в «научной» литературе, но и имеет самое широкое применение в практике расовой дискриминации. Не только в кровавой практике судов Линча, но и в официальном законодательстве многих американских штатов закреплено бесправное положение негров. Фактически тринадцатимиллионное негрское население в США расовой дискриминацией изолировано от белого населения, а в южных штатах загнано в отдельные кварталы. Политическое бесправие негров сочетается с их тяжелым экономическим положением, так как для негров почти закрыт доступ к квалифицированным профессиям и заработная плата, как правило, меньше, чем белых рабочих.

В самой американской прогрессивной печати приводится немало фактов расовой дискриминации в США. В штате Миссисипи, например, существует даже особый закон, карающий за всякое выступление против расовой дискриминации. По этому закону виновные в защите равенства между неграми и белыми приговариваются к заключению в тюрьму или денежному штрафу по усмотрению суда³⁹. Скандальную популярность приобрел своими антинегрскими выступлениями американский сенатор Бильбо, автор погромной книги «Сделайте выбор между разделением (рас) или превращением в убудков»⁴⁰. Повторяя через сто лет после Гобино его нелепые измышления о гибели древних цивилизаций вследствие смешения носителей высоких культур с низшими «неарийскими» расами, Бильбо модернизирует французского аристократа Гобино и старается устроить американцев опасностью смешения с неграми. «Социальное равенство белой и черной рас,— заявляет сенатор,— и ликвидация расового обособления никогда не соответствовали идеалам нашего народа. Всякий, кто выдвигает такой довод, повинен в ложном истолковании значения американской демократии, сознательно или бессознательно стремится уничтожить будущее нашей республики, а поэтому он предатель своей страны и своей расы»⁴¹. Всех негров Бильбо предлагает выселить в Африку. О Бильбо и ему подобных следовало бы помнить тем американским ученым, которые, рядясь в тогу объективизма, оставляют всяческие лазейки для расистских идей. Насколько глубоко пронизывает яд расистской пропаганды различные слои американского общества, можно хорошо себе представить, читая переведенный недавно на русский язык роман Синклера Льюиса «Кингсблад», в котором ярко показана ужасная судьба американского офицера, участника войны против фашистской Германии, решившегося открыто заявить о наличии негров среди его предков⁴².

Мы говорили пока о расовой дискриминации негров. Но эти же расовые теории вдохновляли и тех, кто повинен в истреблении целых племен американских индейцев, ничтожные остатки которых доживают свой век в тесных резервациях, где они эксплуатируются белыми цивилизаторами. Нельзя спокойно читать страницы романа прогрессивного американского писателя Говарда Фаста «Последняя граница», где описывается трагическая участь индейцев в резервациях в конце прошлого столетия⁴³. Расовая дискриминация в США распространяется также на китайцев и других представителей «желтой расы», как, впрочем, и на белых неамериканского происхождения. Еще грубее, чем в самих США,

³⁹ Ashley Montagu, *Man's most dangerous myth: the fallacy of Race*, 1945.

⁴⁰ Th. Bilbo, *Take your choice separation or mongrelization*, 1947.

⁴¹ Цит. по указанной выше статье Д. И. Мочалина, стр. 272.

⁴² Синклер Льюис, *Кингсблад*, потомок королей, пер. с англ., М., 1948.

⁴³ Говард Фаст, *Последняя граница*, пер. с англ., М., 1948.

проявляется расовая дискриминация в американских колониях: на Филиппинах, Пуэрто-Рико, на Гавайских островах и т. д.

Широко распространена кровавая практика расизма и в странах Британской империи. По существу вся история создания британской колониальной державы насыщена истреблением, преследованием и эксплуатацией «цветных» народов. «Черная война» в Тасмании, закончившаяся уничтожением всего коренного населения этого острова «очищение» большей части Австралии от туземцев, многочисленные карательные военные экспедиции против негров в Африке, вся английская политика в Индии, основанная на расовой дискриминации местного населения и на разжигании национальной, кастовой и расовой вражды между его отдельными группами,— таков далеко не полный перечень практики расизма английских колонизаторов.

В последние годы особое внимание мировой общественности привлекла расовая дискриминация в Южно-Африканском Союзе, где во главе правительства в течение многих лет стоял уже упомянутый фельдмаршал Смитс и где его политические традиции продолжают процветать и в настоящее время. Негры в Южно-Африканском Союзе, составляющие более 80% его населения, лишены самых элементарных политических прав, находятся в исключительно тяжелых экономических условиях и даже ограничены в свободе передвижения. Положение негров-рабочих мало чем отличается от положения рабов, хотя рабство в Южно-Африканском Союзе по закону и отменено. Расовая дискриминация простирается здесь не только на негров, но и на переселенцев из Азии, в особенности на индусов, ввезенных сюда на рубеже XIX и XX столетий в качестве рабочих на золотых приисках. В течение полувека они остаются париями, не получив даже права гражданства и рассматриваясь как чужеземцы. Всем памятно обсуждение вопроса о дискриминации индейцев на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1946 г., когда последовательная борьба представителей Советского Союза и стран народной демократии натолкнулась на упорное сопротивление англо-американского блока. Тот же блок выступил позднее и против предложений СССР по вопросу о борьбе с геноцидом, обнаруживая и здесь свою приверженность расистским концепциям. Расизм с полным правом может быть назван идеологией современного англо-американского империализма. Конечно, и в англосаксонских странах раздаются голоса протеста против реакционных идей расизма и кровавой практики расовой дискриминации. Ряд антропологов и этнографов также выступил против расовой теории. Здесь раньше всего надо назвать имена Франца Боаса и Алеша Хрдлички, которые на протяжении многих лет выступали с антирасистскими работами и уже во время войны опубликовали несколько книг и статей, направленных в защиту равноправия рас. Можно указать еще на некоторые работы. Упомянутая выше расистская статья зоолога Холла (см. стр. 33) вызвала в том же журнале маммалогии, где она была напечатана, целый ряд возражений⁴⁴. В вышедшем в 1946 г. сборнике «Анатомия расовой нетерпимости»⁴⁵, помещен ряд статей, в которых американские авторы, приводя многочисленные примеры расовой дискриминации и сегрегации, выступают против расовых предрассудков. Несмотря на непоследовательность и половинчатость многих из этих статей, несмотря на националистические установки некоторых из них,— все же в сборнике звучит протест против разгула расизма в Америке.

⁴⁴ См. например, Н. Sicher, A protest, «*Journal of Mammalogy*», vol. 28, No. 1, February, 1947.

⁴⁵ См. сборник «*Anatomy of racial intolerance*».

Но эти голоса более прогрессивных представителей американской интеллигенции пока тонут в мрачном концерте расистских проповедей. Расовые теории нужны «практикам» расовой дискриминации и в Америке, и в английских владениях для оправдания злодеяний, совершаемых по отношению к «цветным» расам, для притупления классового сознания народных масс в США и в Англии. Задача советских ученых — разоблачать истинный смысл этих лжетеорий и те цели, которые они скрывают под обманчивой формой научных исследований.